

RU

Отповедь «одного русского» маркизу де Кюстину

Трыков В. П., Дунин С. М.

Аннотация. В статье представлен анализ не переведенной на русский язык брошюры российского дипломата и литератора польского происхождения К. К. Лабенского (1798-1855) «Слово о произведении господина де Кюстина, озаглавленном “Россия в 1839 году”» (1843). Цель исследования – определить место брошюры К. К. Лабенского в полемике вокруг книги А. де Кюстина «Россия в 1839 году», выявить логику позиции Лабенского в его заочном споре с Кюстином, описать его аргументацию и особенности стиля, обеспечившие успех книги. Научная новизна состоит в том, что в статье впервые в отечественном литературоведении дан анализ не переведенной на русский язык брошюры К. К. Лабенского, на основе архивных материалов уточнены некоторые факты биографии Лабенского, его книга вписана в контекст откликов русских литераторов на сочинение маркиза де Кюстина, описаны приемы и аргументы, которые использовал Лабенский в полемике с Кюстином, отмечены некоторые особенности стиля Лабенского, которые обеспечили его брошюре успех во Франции. Полученные результаты показали, что точной датой рождения К. К. Лабенского является 26 декабря 1798 года, что его брошюра стала одним из наиболее развернутых и аргументированных критических откликов на памфлет А. де Кюстина «Россия в 1839 году», что ее успех у французского читателя был обусловлен контрастирующей с резкими личными выпадами против Кюстина, содержащимися в ряде других откликов на его книгу, дипломатической сдержанностью тона, искусством аргументации, умелым использованием литературных приемов (прежде всего иронии).

EN

A reproach of “one Russian” to the Marquis de Custine

V. P. Trykov, S. M. Dounine

Abstract. The article analyzes the pamphlet of the Russian diplomat and writer of Polish origin K. K. Labensky (1798-1855), which has not been translated into Russian, “A word about the work of Mr. de Custine, entitled ‘Russia in 1839’” (1843). The purpose of the study is to determine the place of K. K. Labensky’s pamphlet in the controversy surrounding the book by A. de Custine “Russia in 1839”, to reveal the logic of Labensky’s position in his correspondence dispute with Custine, to describe his argumentation and style features that ensured the success of the book. The scientific novelty of the article lies in the fact that it is the first in Russian literary studies to analyze a non-translated brochure by K. K. Labensky. Based on archival materials, the article clarifies certain facts from Labensky’s biography, places his book within the context of Russian literary responses to the work of the Marquis de Custine, and describes the techniques and arguments used by Labensky in his polemics with Custine. The article also highlights certain stylistic features of Labensky’s writing that contributed to the success of his brochure in France. The results showed that the exact date of K. K. Labensky’s birth was December 26, 1798, that his pamphlet became one of the most detailed and reasoned critical responses to A. de Custine’s pamphlet “Russia in 1839”, that its success with the French reader was due to contrasting with the harsh personal attacks against Custine contained in a number of other responses to his book, diplomatic restraint of tone, the art of argumentation, skillful use of literary techniques (primarily irony).

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена как внутринаучными, так и социокультурными факторами. В рамках компаративистики и исторической поэтики сохраняет научную значимость имагопоэтологическая проблематика, вопросы, связанные с конструированием образа «Другого» (в частности русского «Другого») в инациональном культурном сознании, закономерностями и механизмами межкультурного диалога. В ситуации нарастающего конфликтного потенциала в отношениях России и Запада представляется актуальной задача исторической реконструкции и аналитической проработки узловых моментов рецепции России

литературным сознанием Западной Европы, одним из которых, несомненно, была полемика вокруг книги А. де Кюстина «Россия в 1839 году».

Задачи исследования:

- на основе архивных материалов уточнить некоторые факты биографии К. К. Лабенского;
- вписать брошюру Лабенского в контекст откликов других русских литераторов на книгу А. де Кюстина «Россия в 1839 году»;
- выявить причины успеха брошюры Лабенского во Франции.

Методом исследования является сравнительно-исторический метод, позволивший осмыслить характер и логику рецепции книги Кюстина К. К. Лабенским, определить место его брошюры в литературном ряду.

Теоретической базой исследования стали труды по исторической поэтике и компаративистике А. Н. Веселовского (1940), В. М. Жирмунского (1977), М. М. Бахтина (1986), М. П. Алексева (1983), Вл. А., Вал. А. Луковых (2008), И. О. Шайтанова (2010). В труде А. Н. Веселовского (1940) была сформулирована идея «встречных течений», постулирующая детерминированность рецепции любого явления инациональной культуры культурными запросами реципиента. В статье В. М. Жирмунского «Задачи поэтики» (1977) было сформулировано важное для нас положение о стиле как системе литературных приемов, свойственных тому или иному писателю, единство и связность которых определяются литературной стратегией автора, т. е. единством его замысла и художественного задания. В работах М. М. Бахтина (1986) значимой является его концепция диалога, которая, в частности, исходит из того, что всякое литературное произведение является репликой в идеологическом споре своей эпохи. Работы М. П. Алексева стали образцом скрупулезного анализа русско-зарубежных литературных связей, в том числе и в аспекте взаимной рецепции русской и зарубежной литературы. Важным представляется мысль М. П. Алексева (1983) об особой значимости литературного фактора в конструировании образа «Другого», той или иной страны, народа в инациональном литературном и общественном сознании. Концепция тезауруса Вл. А. и Вал. А. Луковых (2008), понимаемого как форма существования гуманитарного знания, в слове и образе воспроизводящая ту часть действительности, которая освоена субъектом, стала существенной для понимания механизмов рецепции. Работа И. О. Шайтанова (2010), представляющая собой серьезную рефлексию о проблемах компаративистики, осмысление и защиту наследия А. Н. Веселовского, его «Исторической поэтики» на современном этапе, в условиях утраты логоцентризма стала важным теоретико-методологическим ориентиром для исследования.

Материалом исследования выбрана прежде всего не переведенная на русский язык брошюра К. К. Лабенского «Слово о произведении господина де Кюстина, озаглавленного “Россия в 1839 году”», а также словари, справочники, в которых содержались сведения о Лабенском, архивные материалы, хранящиеся во Франции, произведения К. Гамсуна, А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, Ф. И. Тютчева.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов в преподавании истории зарубежной литературы, русско-зарубежных литературных связей, в средствах массовой информации для развенчания мифов и стереотипов о России, сложившихся на Западе, при организации культурно-просветительских мероприятий, посвященных вопросам межкультурной коммуникации.

Обсуждение и результаты

Отвечая на негативные оценки русского народа, которые дал в своих трудах известный французский историк Жюль Мишле, А. И. Герцен писал в статье «Русский народ и социализм» (1851): «Бедный русский народ! Некому возвысить голос в его защиту!» (1956, с. 308). Однако эта жалоба и одновременно упрек Герцена были не вполне справедливы и обоснованны. Лучшее тому подтверждение – реакция некоторых представителей русской интеллигенции на книгу маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году» (1843).

В том самом году, когда вышла в свет книга Кюстина, в Париже была опубликована брошюра Ксаверия Лабенского (Жана Полониуса) «Слово о произведении господина де Кюстина, озаглавленного “Россия в 1839 году”». На титульном листе вместо фамилии автора значилось “Un Russe” («Один русский») (1843). Автором брошюры был русский дипломат польского происхождения Ксаверий Ксаверьевич Лабенский. Во Франции К. К. Лабенский (Xavier Labensky) был известен как поэт из группы так называемых «малых романтиков», публиковавший свои стихи под псевдонимом Jean Polonius, что можно перевести как «Жан Поляк» или «Жан из Польши». Литературный псевдоним Jean Polonius – это не просто этноним (указание на польское происхождение автора), а сложный и довольно редкий случай, сочетание преномена с этнонимом. Но у Жана Ксаверия был и еще один псевдоним, этноним Un Russe (Русский). Имя и фамилия Ksawery Łabecki фигурирует во многих польских справочных изданиях.

Попытка найти, в каком году он родился, принесла два совершенно разных результата. Одна группа изданий, включающая, например, изданную в 1863 году во Франции книгу «Французские поэты» (Les Poètes français, 1863, р. 161-165), польскую «Всеобщую энциклопедию» (S. Orgelbranda Encyklopedia Powszechna, 1864, s. 513), Словарь псевдонимов И. Ф. Масанова (1960, с. 267) – в качестве года его рождения называет 1790-й. Другая, в которую входят известный словарь Брокгауза и Ефрона (Брокгауз, 1896, с. 175) и интернет-энциклопедия «Польский Петербург» (<http://polskipetersburg.ru/object/1807227743>), сообщает, что он родился в 1800 году.

Известно, что К. К. Лабенский был старшим сыном Ксаверия Ивановича Лабенского (1771-1815), имевшего еще двух сыновей – Камилла и Шарля Станислава. Проведенные генеалогические изыскания (в том числе во французских архивах) позволили установить, что ни одна из вышеуказанных дат рождения К. К. Лабенского не является корректной. Родиться в 1790 году К. К. Лабенский не мог, потому что его родители поженились

в Париже 9 декабря 1797 года, о чем удалось найти документ во французских архивах. Согласно другим архивным документам, его младший брат Камилл был крещен 22 апреля 1800 г., таким образом, 1800 г. также не мог быть годом рождения К. К. Лабенского, который, как отмечалось выше, был старшим сыном в семье Лабенских. Таким образом, интересующий нас год рождения должен лежать в интервале 1798-1799.

В ходе дальнейших поисков удалось найти архивную запись о рождении 26 декабря 1798 года в Париже Жана Ксаверия Лабенского, но в записи не указаны имена родителей ребенка. Установить, что это именно К. К. Лабенский, помогла одна особенность французского законодательства. Дело в том, что по ряду причин во Франции при продаже недвижимости полагалось публично объявлять имена всех ее предыдущих владельцев. И, в отличие от многих других записей, в которых для человека, имеющего несколько имен, могла указываться только часть их, которой он предпочитал пользоваться, в таких объявлениях их составители указывали все имена. Удалось обнаружить две записи, относящиеся к некоему земельному участку в Фонтенбло: одна датирована 1830, другая 1882 годом. В них после фамилии Дерон (Derosne), а это девичья фамилия жены Ксаверия Ивановича, и еще ряда фамилий ее родни подряд перечислены Жан Ксавьер, Камилл и Шарль Станислав Лабенские. Ясно, что это именно три сына Ксаверия Ивановича Лабенского. Таким образом, точная дата рождения К. К. Лабенского 26 декабря 1798 года. Место рождения – Париж. Дата и место смерти – 14 декабря 1855 года, Санкт-Петербург.

К. К. Лабенский был не единственным российским литератором, кто откликнулся на книгу Кюстина. В 1843 г. Н. И. Греч опубликовал в Гейдельберге на немецком языке «О сочинении “Россия в 1839 году маркиза де Кюстина”» (французский перевод появился в Брюсселе в 1844 году), в котором характеризует книгу Кюстина как «смесь лжи, неточностей, ляпсусов, противоречий и клеветы» (Деревнина, 1978, с. 135). Брошюра Я. Н. Толстого «“Россия в 1839 году”, пригрезившаяся г-ну де Кюстину» (вышла под псевдонимом «И. Яковлев»), была опубликована в Париже в январе 1844 г. Весьма критические отзывы о книге Кюстина оставили В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев (Темпест, 1989, с. 195-211). Последний так оценил книгу французского литератора в статье «Россия и Германия» (1844): «Книга господина де Кюстина является еще одним свидетельством умственного бесстыдства и духовного разложения – характерной черты нашей эпохи, особенно во Франции, – когда увлекаются обсуждением самых важных и высших вопросов, основываясь в большей степени на нервном раздражении, чем на доводах разума, позволяют себе судить о целом Мира менее серьезно, нежели прежде относились к разбору водевиля» (Тютчев, 2007, с. 28).

Наиболее подробный разбор книги Кюстина содержался в сочинениях Н. И. Греча, Я. Н. Толстого и К. К. Лабенского, однако наибольший успех во Франции выпал на долю последнего. Я. Н. Толстой в письме Бенкендорфу от 5 (17) января 1844 г. сообщал о том, что готовит второе издание брошюры Лабенского в Париже (Мильчина, 2004, с. 394).

В России ввоз и печатное обсуждение книги Кюстина были запрещены. Показателен тот факт, что и брошюра Лабенского, содержащая разбор и критику сочинения Кюстина, была задержана на русской таможне. Однако публика, читающая по-французски, имела возможность ознакомиться с сочинением маркиза.

Французский литературовед А. Мазон в своей небольшой статье о Лабенском так характеризовал его брошюру: «Шедевр изысканно учтивого полемического стиля. Ироничный и в то же время язвительный, он выгодно отличается от раздраженного тона того тяжеловесного взрыва патриотического негодования, которым в том же 1843 г. разразился Николай Греч. Ответ дипломатического лица, непосредственно связанного с русским посольством, ставит Кюстина перед лицом противника куда более опасного, нежели выслуживающийся писатель Греч» (1966, с. 321). Этой оценкой брошюры К. Лабенского Мазон ограничился в своей короткой статье о нем, представляющей краткий обзор поэтического творчества Жана Полониуса.

А. Мазон подозревает, что «русофильство» Лабенского было небескорыстным, что оно было в значительной степени обусловлено карьерными соображениями Лабенского, принадлежавшего к тому поколению молодых поляков, которые сделали свой выбор в пользу России после разгрома Наполеона в 1812 г. и которые «были более озабочены немедленным устройством собственной карьеры, нежели судьбами польского государства» (1966, с. 320). Этот упрек в карьеризме становится лейтмотивом статьи Мазона: так, характеризуя «гордый пессимизм» Лабенского в его поэме «Герострат», Мазон отмечает, что это был «пессимизм “хорошего тона”, усваиваемый карьеристами в качестве морального самооправдания и способа расквитаться с собственной нечистой совестью...» (1966, с. 324). Однако этот упрек в карьеризме и подозрение, что «русофильство» Лабенского было небескорыстным, представляются нам безосновательными. Напомним, что «русофильские» и монархические настроения были сильны и во Франции 1830-40-х гг. (Мильчина, 2004, с. 294-316; Трыков, Ощепков, 2021, с. 218-235). Почему же не допустить, что Лабенский, как и французские роялисты, искренно видел в российском самодержавии оплот стабильности и порядка, являвшие резкий контраст тому, что они оценивали как «хаос» французской жизни при Луи-Филиппе.

Одним из таких сторонников «порядка» был посланец короля Сардинии в России с 1802 по 1817 г., убежденный легитимист и ярый католик Жозеф де Местр, автор «Четырех неизданных глав о России», написанных в 1811 г. и увидевших свет только в 1959 г. Книга Ж. де Местра не могла быть известна Лабенскому во время написания его брошюры, однако свои идеи Ж. де Местр имел возможность излагать в светских и дипломатических кругах России, и они приобрели популярность, как и фигура посла. Вслед за Жозефом де Местром, имя которого упоминается в тексте брошюры (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 50), Лабенский утверждает благотворность сильной монархической власти для России: «Сильная власть, сосредоточенная в одних руках, <...> только она способна придать движение нашей неповоротливой общественной машине; <...> открытая любым идеям, любым разумным проектам и талантам, именно она еще

долго будет носителем прогресса» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 39-40). Некоторые из аргументов в пользу такой власти, приводимые Лабенским, повторяют доводы Ж. де Местра. Например, он так же, как его французский предшественник, полагает, что огромность России и некоторые особенности русского характера (страстность, необузданность у Ж. де Местра, «равнодушие к порядку» (“insouciance de l'ordre”) у Лабенского) обуславливают необходимость сильной монархической власти в России.

Таким образом, Лабенский был вполне искренен в своей апологии самодержавия и относительно «русифильстве», которые не мешали ему видеть недостатки российской действительности и «слабости» русского национального характера. Об этих язвах русской жизни он пишет на страницах своей книги (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 46-47).

Представляется, что мотив «карьеризма» в статье Мазона – тонкий прием, назначение которого бросить тень на автора отповеди маркизу де Кюстину, чей взгляд на Россию, возможно, был ближе французскому ученому, чем взгляд Лабенского.

Лабенский действительно неизменно ироничен в своей оценке кюстиновской книги и ее автора. Кюстин, в оценке Лабенского, – «глашатай истины», «раб тягостной обязанности», который «возложил на себя миссию (ибо кто же сегодня не возлагает на себя миссии) раскрыть глаза своим современникам. С этой целью он издал четыре тома на прекрасной бумаге, в которых озабочен тем, что по четыре раза повторяет одно и то же, чтобы оно лучше запечатлелось в умах его читателей» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 9). Акцентирование в этом пассаже качества бумаги делает красноречивым отсутствие прямой оценки качества книги Кюстина. В другом месте, перечислив отрицательные качества русских, о которых пишет Кюстин, Лабенский заключает: «Как Вы любезны, господин маркиз, и, читая Вас, сразу узнаешь джентльмена старой закалки!» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 11). На критику Кюстином реформ Петра Великого Лабенский откликается следующим пассажем: «Этот философ, если бы он был принят в господних чертогах накануне дня творения, дал бы Господу не один добрый совет» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 51).

Автор проводит ироничную параллель между Кюстином и Цезарем и прямо называет автора «России в 1839 году» «Цезарем философствующих путешественников» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 12). Лабенский перефразирует известное высказывание Юлия Цезаря “Veni, vidi, vici” («Пришел, увидел, победил»). Применительно к Кюстину она звучит как «пришел, увидел, познал» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 12). Лабенский сравнивает Кюстина с кудесником, по мановению «волшебной палочки которого все сразу исполняется. Не пожив среди нас, он уже знает нас наизусть» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 13). В другом пассаже Лабенский обрушивается на «писак, которые строят из себя Монтеке, вырывают из контекста отдельные факты и сводят к простой алгебраической формуле историю и нравы нации» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 12). Кюстин, считает Лабенский, похож на Арлекина, который, желая продать дом, показывает покупателю один его кирпичик. Наконец, Лабенский сравнивает Кюстина, дававшего в своей книге мрачные прогнозы о вторжении России в Европу и социальных потрясениях в самой России, с ветхозаветным пророком Иеремией.

Лабенский использует различные приемы, чтобы изобличить поверхностность кюстиновского взгляда на Россию и поспешность его выводов о чужой стране. Он не собирается последовательно, один за другим опровергать многочисленные упреки Кюстина. Более того, он признает справедливость некоторых из них (грубость нравов, коррупция чиновников и т. д.), но общая картина русской действительности, нарисованная Кюстином, представляется Лабенскому искаженной и ложной. Он избирает иную стратегию опровержения: раскрыть метод французского литератора. Метод оказывается прост – поспешное, неправомерное обобщение: «Господин Кюстин полагает, что нарисовать портрет одного русского значит нарисовать портрет всей нации <...> Он невозмутимо ничтоже сумняшеся заключает от единичного к общему, от индивида к обществу» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 11-12). Далее Лабенский приводит многочисленные примеры подобного превращения мухи в слона в тексте Кюстина. Лабенский заключает: «Эта страсть обобщать, мудрствовать по поводу малейшего пустяка, извлекать из пустячного случая далеко идущие выводы не оставляет его во все время его путешествия» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 25).

Однако у этого аргумента Лабенского против метода Кюстина был серьезный оппонент – Ф. М. Достоевский. «В зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), отвечая на возможный упрек читателей, что он отходит от правды, неправомерно обобщая частные случаи, и, как он это часто делает, вступая в заочную полемику с читателем, Ф. М. Достоевский отвечает: «Ну, а насчет частных случаев я не хочу с вами спорить. Даже вся нация-то состоит ведь из одних только частных случаев, не правда ли?» (1989, с. 435). Достоевский (1989, с. 391-392) отстаивает право автора путевых записок на обобщение и даже известную субъективность.

Достоевскому вторил Кнут Гамсун, предваривший свою книгу «О духовной жизни современной Америки» (1889), основанную на личных впечатлениях от пребывания в этой стране, следующим эпиграфом: «Правдивость – не двусторонность и не объективность, правдивость – это бескорыстная субъективность» (1993, с. 149). Проблема здесь в том, что Гамсун понимает под «бескорыстной субъективностью» (а Достоевский под «искренностью»)? Что является критерием и индикатором авторского «бескорыстия» и «искренности» в произведениях художественно-документальной литературы? Все эти вопросы выводят нас на довольно сложную теоретическую проблему художественной правды, постановка, а тем более решение которой не входит в планы авторов настоящей статьи. Хотя одну гипотезу осмелимся высказать. «Бескорыстная субъективность» и «искренность» предполагают непредвзятость автора, максимальное отсутствие в его отношении к объекту изображения предзаданности, априорных ментальных схем. Однако в подобной предвзятости, ангажированности Лабенский уличает Кюстина: «Господин Кюстин, едва ступив на русскую землю, уже собрал

бесчисленное множество наблюдений <...> и прибыл в Петербург, если можно так выразиться, с Россией, уже готовой, умещающейся в его портфеле» (*Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine...*, 1843, p. 25). Высмеивая манию кюстиновского рассказчика видеть повсюду в России шпиков и доносчиков, Лабенский объясняет ее тем, что Кюстин читал парижских газет, в которых постоянно пишут о том, что российское правительство широко использует слежку. Упреки и предположения Лабенского не были безосновательными. О роли парижской прессы в формировании предвзятого отношения Кюстина к России писала В. А. Мильчина, которая приходит к следующему выводу: «Конечно, было бы опрометчивым исключать из круга источников кюстиновской книги собственные впечатления путешественника или сведения, сообщенные ему осведомленными собеседниками, однако, представляется, что ничуть не менее значительное влияние на восприятие Кюстином российской действительности оказало чтение современной ему французской периодики» (2004, с. 238).

Другой прием критики и опровержения кюстиновского текста, который использует Лабенский, можно было бы выразить строчками из басни Крылова: «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» Так, шпиономания Кюстина представляется Лабенскому тем более забавной, что ее носитель прибыл из страны Видока, знаменитого французского сыщика, широко использовавшего слежку в своей практике.

Ричард Темпест в уже упоминавшейся статье называет этот прием *tu quoque* («ты тоже») и отмечает, что его использование «отнюдь не опровергает справедливости замечаний французского путешественника» (1989, с. 203). Заметим лишь, что, не опровергая полностью замечаний Кюстина, он все-таки делает их менее убедительными, ставя под сомнение добросовестность автора.

Лабенский часто ловит Кюстина на противоречиях: он недоумевает, как Кюстину удалось, по его собственному утверждению, еще находясь в России, написать тома своего сочинения, если он уверяет, что все время находился под неусыпным надзором полиции. В одном месте Кюстин утверждает, что в России всего три солнечных дня в году. В другом он жалуется на тропическую жару. То он заявляет, что русские не владеют искусством беседы, то признается, что разговоры, при которых он присутствовал, могли бы составить книгу, столь же глубокомысленную, как книги Лабрюйера. Он то возмущается крепостным правом, то заявляет, что его отмена взорвала бы Россию. Лабенский замечает, что Кюстин, призывая к терпимости, сам обнаруживает нетерпимость в религиозном вопросе, выступая ярким апологетом католицизма и обрушиваясь с критикой на национальные церкви. «Когда возмущаются против нетерпимости, нужно самим стараться быть терпимым», – заключает Лабенский (*Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine...*, 1843, p. 49). Лабенский ставит в упрек Кюстину, что, обвиняя русских в подражательности, он сам в своей апологии католицизма выступает эпигоном Жозефа де Местра: «Подновленные идеи не то же самое, что новые; и если уж какому-то народу отказывают в какой-либо самобытности, нужно, насколько возможно, стараться самому быть оригинальным» (*Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine...*, 1843, p. 50).

Обсуждая трактовку религиозной темы в книге Кюстина, Лабенский не касается теологических ее аспектов, не вдается в обсуждение догматических различий между православием и католицизмом, не рассматривает вопроса о достоинствах и недостатках того и другого. Его задевает скорее политический аспект критики Кюстина, представлявшего в своей книге российского императора врагом христианства и чем-то вроде Антихриста.

Лабенский утверждает, что никто бы не упрекнул Кюстина в противоречивости, если бы он ограничился сообщением фактов, а не трактовал их на свой манер, неизменно в негативном ключе. Лабенский проводит различие между контрастом и противоречием: «Контраст и противоречие суть вещи различные. Вселенная полна контрастов, однако она едина» (*Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine...*, 1843, p. 30).

Самый серьезный упрек Лабенского автору «России в 1839 году» – упрек в односторонности взгляда. «К несчастью, Кюстин видит только одну сторону явлений и говорит все время так, как если бы другой стороны не существовало» (*Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine...*, 1843, p. 30). «Ему недостает широты взгляда, того понимающего взгляда, который умеет, фиксируя какую-то одну особенность того или иного народа, не упустить из вида другие. Поэтому, будучи местами правдивым, когда рассматривает одну сторону предмета, он всегда ошибается в понимании целого» (*Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine...*, 1843, p. 31). Лабенский последовательно, на разных примерах иллюстрирует эту односторонность. Он отмечает, что, описывая персонажей русской истории (Ивана Грозного, Петра Великого, Екатерину II), Кюстин выпячивает их отрицательные качества и затушевывает заслуги.

В отличие от Н. И. Греча и Я. Толстого, которые не удержались от намеков на сомнительную репутацию Кюстина в светских кругах Парижа, связанную со скандалом на гомосексуальной почве, Лабенский не использует неприглядных фактов биографии Кюстина для его дискредитации. Он даже местами хвалит своего французского собрата по перу: «Как писателя я его уважаю, но как политик он меня раздражает» (*Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine...*, 1843, p. 31). Лабенский отдает должное уму Кюстина, отмечает, что его книга полна идей, но ее автор не способен переварить многообразие впечатлений и превращает свое повествование в бесформенный хаос. Иногда Лабенский вроде бы даже соглашается с некоторыми наблюдениями Кюстина, но делает из них совершенно иные выводы. Так, солидаризируясь с мыслью автора «России в 1839 году» о «беспорядочности русских», о недостатке у них, как, впрочем, по мнению поляка Лабенского, у всех славян, “*l'esprit d'ordre*” («духа порядка»), Лабенский заключает, что именно эта особенность русских побудила их объединиться под сильной самодержавной властью. Кюстин же трактует это качество русских как неспособность уважать закон и подчиняться ему. Таким образом, одно и то же наблюдение у Кюстина становится простой констатацией очередного порока русских, а у Лабенского – объяснением их приверженности сильной власти. У Кюстина – бессознательное, инстинктивное и почти врожденное презрение русских к порядку и закону, у Лабенского –

сознательное принятие власти и подчинение ей как результат ясного самосознания русских, отдающих себе отчет в своих национальных особенностях и стремящихся нивелировать их негативные последствия.

Согласие Лабенского с Кюстином по некоторым частным вопросам создавало эффект объективности Лабенского, сбалансированности его оптики в противовес ангажированности и субъективности Кюстина. Так, например, автор констатирует, что некоторые просвещенные русские признают достоинства иных форм правления, которые позволяют установить равновесие между свободой и порядком, но вместе с тем в огромной России только самодержавное правление способно обеспечить прогресс «нашей неповоротливой общественной машине» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., p. 39). Он также соглашается с Кюстином, что в России действительно еще много недостатков и следов былого варварства (грубость нравов, коррумпированность чиновников и т. д.), но напоминает, что европейские страны, выходявшие из средневековья, в свое время тоже прошли через это, а также добавляет, что русские писатели в своих произведениях обличают пороки русской жизни, и приводит в качестве примера творчество Н. В. Гоголя.

Лабенский, в сущности, проявляет себя учеником просветителей, последователем их концепции неравномерного, разнотемпового движения народов по пути прогресса и цивилизации. Он признает, что Россия – страна «недоцивилизованная», но, в отличие от Кюстина, Лабенский полагает, что причина не в изъянах русского национального характера, а в том, что Россия, по сравнению с Западом, страна молодая, поздно вступившая на путь цивилизации: «Потерпите, западные господа, и дайте нам время пожить» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 59). Как и просветители с их убежденностью в том, что «идеи правят миром», Лабенский уповаet на силу Разума: «Идеи совершенствуются всегда легче и быстрее, чем нравы, но последние в конечном счете меняются под воздействием первых» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 59).

Не соглашается Лабенский и с кюстиновской оценкой фигуры Петра I, которая повторяла с некоторыми вариациями критическую оценку петровских реформ, данную Ж.-Ж. Руссо в «Общественном договоре». Руссо полагал, что реформы Петра Великого были преждевременными, поспешными и неорганичными для русского национального характера. В возражениях Лабенского Кюстину можно увидеть отражение его дипломатического опыта и хорошее знание Европы. Лабенский утверждает, что Петр не мог поступить иначе, что на быстрые реформы его толкала историческая необходимость: «Если бы мы не обрели Европу, Европа отправилась бы искать нас» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 55). Лабенский убежден, что Европа не оставила бы Россию в покое, не позволила бы ей пребывать в состоянии «féconde obscurité» («плодотворной безвестности»), к чему призывал Кюстин.

Не согласен Лабенский и с той ролью, которую Кюстин отводил России на исторической сцене: быть орудием в руках Запада в его противостоянии с Азией, и прежде всего с Турцией. Этим, по мнению автора «России в 1839 году», Россия должна ограничить свои амбиции, на что Лабенский реагирует со свойственной ему иронией: «Большое спасибо за позволение!» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 55). Здесь Лабенский вновь ловит Кюстина на противоречии: как Россия могла бы противостоять Турции, если бы заблаговременно не приобщила к западным военным технологиям в результате петровских реформ?

Лабенский не ограничивается размышлениями о геополитических раскладах в современной ему Европе. Он затрагивает вопрос о культурной самобытности русских и опровергает стереотип об их «подражательности». Лабенский не отрицает того факта, что русские многое позаимствовали у европейцев, однако исходит из того, что заимствования – естественный процесс и универсальный закон развития культуры. Все народы (не исключая и французов) что-то наследовали от далеких эпох и чужих народов: греки – от египтян, римляне от греков, европейцы, и французы в частности, от античной цивилизации и от других народов. Далее Лабенский приводит длинный перечень этих заимствований. Вывод Лабенского: «Все они подражали, чтобы не отстать от других народов, и были совершенно правы» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 61). Лабенский исходит из убеждения, что развитие культуры – сложный процесс, в котором действует диалектический закон притяжения – отталкивания, наследования – переосмысления унаследованного, традиции и новаторства. «Почти всегда изобретают, подражая» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 70). Он напоминает, что зарождение европейской готики происходило под восточным влиянием в ходе Крестовых походов, но Европа трансформировала эту восточную традицию. Точно так же русская архитектура несет на себе печать византийского влияния.

Удивление Лабенского вызывает обстоятельство, что то, что Европа считает совершенно естественным для себя, русским она ставит в упрек. Он объясняет эту странную позицию Европы тем, что она хотела бы оставить русских «во тьме нашего первоначального варварства» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 62-63).

Заметим, что Лабенский в целом недоверчив по отношению к Европе, вскрывает ее истинные мотивы или по крайней мере те, которые ему представляются таковыми. Обнаруживая незаурядную осведомленность не только в профессионально близкой ему сфере геополитики и дипломатии, но и в области истории, литературы, культуры, он усматривает в претензиях, которые Европа предъявляет России, – то, что в терминах фрейдизма можно обозначить как «проекцию»: Европа приписывает России недостаток, который свойственен ей самой, – отсутствие самобытности: «Если исключить Италию, где в Европе существует архитектура, которую можно назвать чисто национальной?», – вопрошает Лабенский (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 69). «Прежде чем требовать от нас того, что Европе самой недостает, ей следовало бы начать с себя» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 70).

Таким образом, в своей брошюре Лабенский проявил себя опытным полемистом, образованным и искусным дипломатом, осведомленным в вопросах истории и литературы, разбирающимся в нюансах европейской политики, умелым стилистом, стиль которого сочетает утонченную вежливость дипломата с иронией и язвительностью страстного публициста. Приведем пример подобного стиля: «Для нашей пользы

и его (Кюстина. – В. Т.) славы мы никогда не будем сожалеть о том, что его визит не был более продолжительным и что он удовольствовался тем, что нарисовал нас в наших летних нарядах. Если в течение менее трех летних месяцев он увидел у нас столько прекрасных вещей, сколько бы еще он обнаружил за восемь зимних! По правде говоря, я нисколько не сомневаюсь, что его проницательность дала бы нам наконец разгадку нашей общественной жизни, если бы он, увы, не покинул нас до срока, погасив свой фонарь и оставив нас в крошечной тьме неведения о нас самих, нашем будущем и наших возможностях <...>. Если же, как нам хотелось бы надеяться, господин Кюстин окажет нам такую честь и еще раз соблаговолит воспользоваться тем гостеприимством, которым он уже воспользовался столь достойным образом с пользой для себя и для нас, мы позволим себе предложить ему для будущих его наставлений нам несколько скромных замечаний (мы не осмелились бы сказать «советов», говоря о нашем наставнике). Маленькие дары для укрепления дружбы. После всего, чему мы обязаны его дружбе, это самое малое, что мы можем сделать, чтобы засвидетельствовать ему нашу признательность» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 34).

А далее следуют «замечания»-советы, которые лишь оттеняют язвительно-иронический характер приведенного выше пассажа: Лабенский советует французскому гостю посетить Крым и Кавказ, чтобы слишком живое воображение и утонченная впечатлительность Кюстина могли насладиться красотой их природы и смягчить его мрачный взгляд на Россию. Лабенский рекомендует Кюстину ехать через Карлсбад, где местные лечебные воды поспособствуют излечению его сплина.

Некоторые из аргументов Лабенского бьют мимо цели. Так, например, отвечая на упрек Кюстина, что современные русские оценивают фигуру Ивана Грозного в большей степени исходя из его заслуг перед Россией, нежели его преступлений, и опровергая вывод, который на этом основании делает Кюстин, что русские не различают добра и зла, Лабенский отмечает, что и французы высоко оценивают деятелей католической Лиги или Конвента, несмотря на их ужасные преступления, исходя из исторической целесообразности и полезности их деятельности для Франции. «Можем ли мы заключить, основываясь на панегириках этим двум эпохам, которые встречаем во французской прессе, что все французы не различают добра и зла, что они подчиняют любые принципы своим национальным амбициям и что их единственный культ в политике – это религия успеха?» – задает риторический вопрос Лабенский. Однако стрела пущена не по адресу. Кюстин нигде в своей книге не оправдывал жестокостей Французской революции и вряд ли мог это сделать, поскольку был убежденным противником просветителей и его отец был гильотинирован во время революции. Неправедливая по отношению к Кюстину, эта критика тем не менее в общем виде была вполне обоснована и уличала западных литераторов в «двойных стандартах».

Убедительности, весомости и серьезности дискурсу Лабенского придает значительный эссеистический элемент в его книге, пассажи, в которых содержатся его синтетические суждения на разные темы. Так, в одном месте он рассуждает о глубинных инстинктах народов и взаимосвязи сильной власти и духовно-нравственного состояния народа: «Все народы инстинктивно чувствуют, что первейшая их потребность – это желание жить, то есть быть независимыми от внешних сил, что промышленность, безопасность, богатство рано или поздно становятся следствием сплоченной и сильной власти; что при ней нравы улучшаются, и, напротив, в государстве, если только в нем коррупция не предшествовала анархии, анархия всегда приводит к коррупции; одним словом, слабость и зависимость страны развращает умы, способствует падению нравов, ибо – и это печальная правда – несчастье портит народ, как портит оно отдельного человека, и если последний еще может иногда ускользнуть от действия этого правила, оно всегда верно по отношению к народам» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 41). В другом фрагменте он обращается к проблеме, которую сейчас в современных терминах мы обозначили бы как проблему исторического нарратива. Он размышляет о том, что, выхватывая из совокупности исторических фактов отдельные, разрозненные события, можно легко создать любое историческое описание. «История немного напоминает Библию: каждый находит в ней то, что хочет найти» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 42). И далее продолжает: «Я мог бы, если бы захотел, по этой модели написать историю Франции; все факты в ней были бы точными, а все выводы абсурдными» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 42). Далее, демонстрируя основательное знание французской истории, Лабенский приводит перечень исторических фигур Франции разных эпох, о пороках и злодеяниях которых он мог написать не одну страницу. А затем, пародируя метод Кюстина, делает неправомерное обобщение о всей французской нации, обращаясь к ней с риторическим вопросом: «Верно ли будет сказать, что ваша монархия была абсолютной властью, смягчаемой лишь вашими песнями? И могли бы вы сказать, как вы делаете это при всяком новом преступлении подобного рода, что казнь невинного отнюдь не является частью ваших общественных нравов?» (Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine..., 1843, p. 43). Вероятно, здесь Лабенский намекает на казнь Людовика XVI во время Французской революции. В сущности, здесь на историческом материале Лабенский использует тот же прием *tu quoque* («ты тоже»), который ранее применял, сопоставляя современную Россию и Францию.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования установлено, что точной датой рождения К. К. Лабенского является 26 декабря 1798 года. Анализ брошюры Лабенского, ее соотнесение с откликами других литераторов на книгу Кюстина, позволяет сделать вывод, что его «Отповедь “одного русского”...» стала одним из наиболее развернутых и аргументированных критических ответов на памфлет А. де Кюстина «Россия в 1839 году». Образ автора книги «Россия в 1839 году», созданный Лабенским в его брошюре: поверхностный

морализатор, высокомерный и пристрастный, не лишенный литературного таланта, но слишком односторонний в своем взгляде на предмет изображения, слишком подвластный первому впечатлению, обладающий живым, но поверхностным умом. В своей отповеди Кюстину Лабенский проявил одновременно литературное дарование, высокую образованность, искусство аргументации, блестящее владение приемом иронии, но также и такт, не позволивший ему опуститься до личных выпадов против оппонента. Очевидно, все это обеспечило успех книги у французского читателя. Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении того, какой образ России складывался в литературном сознании Франции на следующем этапе ее общественного и литературного развития, на рубеже XIX-XX вв., и как написанное о России во Франции этого периода отзывалось в России.

Материалы исследования | Research materials

1. Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. Е. Ефрон, 1896. Т. 17.
2. Гамсун К. В сказочном царстве. Путевые заметки. Статьи. Письма: сборник. М.: Радуга, 1993.
3. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 7.
4. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4.
5. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М.: Всесоюзная книжная палата, 1960. Т. 4.
6. Польский Петербург. Лабенский Ксаверий Ксаверьевич. <http://polskipetersburg.ru/object/1807227743>
7. Тютчев Ф. И. Россия и Запад. М.: Культурная революция; Республика, 2007.
8. Les Poètes français. P.: Hachette, 1863. Vol. IV.
9. S. Orgelbranda Encyklopedia Powszechna. Warszawa, 1864. Vol. XVII.
10. Un mot sur l'ouvrage de m. de Custine, intitulé "La Russie en 1839" par Un Russe. Paris: Firmin Didot frères, 1843.

Источники | References

1. Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1983.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940.
4. Деревнина Т. Г. Книга А. де Кюстина «Россия в 1839 году» и ее читатель в России и за рубежом в 40-х годах XIX века // Федоровские чтения. 1976. М., 1978.
5. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977.
6. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания: научная монография. М.: Изд-во Национального Института бизнеса, 2008.
7. Мазон А. Ксаверий Лабенский // Русско-европейские литературные связи. М.-Л.: Наука, 1966.
8. Мильчина В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб.: Гиперион, 2004.
9. Темпест Р. «Философ-наблюдатель» маркиз де Кюстин и грамматист Николай Греч // Символ. 1989. № 21.
10. Трыков В. П., Ощепков А. Р. Русская незнакомка во французской «республике словесности»: образ России в литературном сознании Франции. М.: Директ-Медиа, 2021.
11. Шайтанов И. О. Компаративистика и/или поэтика: Английские сюжеты глазами исторической поэтики. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2010.

Информация об авторах | Author information

RU Трыков Валерий Павлович¹, д. филол. н., проф.
Дунин Сергей Михайлович²
^{1,2} Московский государственный педагогический университет

EN Valeryi Pavlovich Trykov¹, Dr
Serguei Mihailovich Dounine²
^{1,2} Moscow State Pedagogical University

¹ v.trykoff@yandex.ru, ² sdounin@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.12.2025; опубликовано online (published online): 20.01.2026.

Ключевые слова (keywords): К. К. Лабенский; А. де Кюстин; аргументация Лабенского; стиль Лабенского; полемика с Кюстином; К. К. Labensky; A. de Custine; Labensky's arguments; Labensky's style; Labensky's polemics with Custine.